

Е. И. Ягин

«Русский лес» Л. Леонова: натурфилософия Ивана Вихрова

В статье рассматриваются натурфилософские искания одного из главных героев романа «Русский лес» – Ивана Вихрова. Исследуется система ценностей героя, на первом месте у которого стоит природа, тождественная бытию в целом. В концепции Вихрова выделяется система противоположностей, базовые из которых: естественное (природа) и искусственное (государство). Цивилизация и прогресс ведут мир к уничтожению, потому что отдаляют человека от природы. Задача человека состоит в том, чтобы с помощью разума стать направляющей силой природы и вести мир к совершенству и очищению. В конфликте «человек – природа» проигравшим всегда оказывается человек.

Ключевые слова: Леонид Леонов, человек, природа, натурфилософия, искусственное, естественное.

Для цитирования: Ягин Е. И. «Русский лес» Л. Леонова: натурфилософия Ивана Вихрова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 68–83. DOI 10.35231/25419803_2023_2_68

Леонид Леонов занимает особое место в истории советской литературы. Творческое наследие автора обширно, но и по сей день одним из самых известных его текстов остается шестой по счету роман «Русский лес» (1953). Первой серьезной работой о нем стала монография М. П. Лобанова «Роман Л. Леонова “Русский лес”», в которой подробно анализируется система образов, конфликты, стиль, авторская позиция; оценивается влияние Ф. М. Достоевского и М. Горького и др. [4; 13]. Существенны и работы, проблематизирую-

щие связь романа с методом социалистического реализма [9; 10; 20]. Природа и специфика художественного мышления Леонида Леонова подробно рассмотрены в работах В. А. Петишевой [15] и В. И. Хрулева [21]. Важной вехой в истории изучения романа является монография Т. М. Вахитовой, в которой картина мира рассмотрена как повторяющаяся структура (пространство, время, система персонажей) [2].

Разные точки зрения на образную систему текста и конфликты высказывали М. П. Лобанов, Т. М. Вахитова, Н. Л. Лейдерман, С. И. Сухих и др. Тема романа также не является однозначной, например, Ю. В. Султанова приводит существующие определения тематики: война (М. Лобанов), лес (И. Зотов, В. Ковалев), следствие по делу Грацианского (Е. Старикова) [19, с. 166–167]. Сюда же можно отнести тему жизни [19, с. 167], науки, будущего [18, с. 45], человека, смерти [16, с. 36] и др.

Материалы и методы

Несмотря на серьезное и глубокое исследование романа «Русский лес» за рамками анализа остается натурфилософская составляющая романа [1], о которой и пойдет речь в настоящей работе. В художественной натурфилософии выделяют два направления: связанное с понятием «чувство природы» и натурфилософское [3, с. 30, 35]. Говоря о последнем, можно указать исследования Г. В. Филиппова и А. И. Смирновой. В частности, Филиппов выделяет три аспекта реализации натурфилософии в художественном тексте: «Самый очевидный – тематический – предполагает коллизии “человек и мироздание”, “человек и природа”, “человек и цивилизация”. Проблемно-философский включает вопросы стихийного и сознательного, материального и духовного, временного и пространственного и неотделим от собственно эстетического, который воплощается в системе поэтики» [цит. по: 3, с. 35]. Надо отметить, что в центре внимания исследователя находится философская поэзия, в связи с чем следует упомянуть работу А. И. Смирновой, посвященную натурфилософской прозе. Она пишет о том, что в русской литературе XX века «[н]равственно-философский аспект в раскрытии темы природы» выходит

на первый план именно у М. Пришвина и Л. Леонова¹. Там же Смирнова приводит имена писателей рассматриваемого периода, для творчества которых была характерна натурфилософская проблематика: С. Есенин, Н. Заболоцкий, А. Платонов, К. Паустовский, В. Астафьев, Ч. Айтматов и др. Причиной обращения писателей к натурфилософии исследовательница называет научно-технический прогресс, и – как следствие – пересмотр взаимоотношений человека и природы (экологическая проблематика). Натурфилософия понимается автором как «этимологический эквивалент философии природы, как совокупность философских попыток толковать и объяснять природу с целью познания связей и закономерностей явлений природы. Художественное воспроизведение этих “попыток” и представлено в прозе писателей-натурфилософов»².

С учетом сказанного мы определяем целью работы исследование натурфилософских исканий Ивана Вихрова, которые важны для понимания идейной основы романа.

Основным методом исследования был избран историко-литературный, позволяющий определить роль и место романа в литературном процессе, а также историко-философский метод, необходимый для анализа натурфилософской составляющей текста.

Результаты

В романе действуют два поколения героев, каждое из которых имеет свое представление о будущем. К старшему поколению следует отнести двух профессоров – Вихрова и Грацианского, а к младшему – Полину, Сережу, Варю и др. Однако роман связан не только с темой отцов и детей, но в бóльшей степени маскирует спор Вихрова и Грацианского о судьбе русского леса. Разные идеологические позиции двух героев при своем внешнем несходстве оказываются дополняющими друг друга, а русский лес становится метафорой бытия. Носителем же натурфилософских идей оказывается Иван Вихров.

Наше знакомство с Вихровым начнется с реплики Полины: «Человек он оказался плохой» [12, с. 10]. Объяснение дает-

¹ Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2017. Электронный ресурс. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115129> (дата обращения: 11.03.2023).

² Там же.

ся следующее: «А потому... потому что мама хорошая!» [12, с. 10]. Эмоциональность ее речи обусловлена простой обидой на отца, который бросил дочь. Усугубляет отношение Полины к Вихрову еще и стыд: «Получалось одно к одному, что и наука его скучная, и профессор он, надо думать, неважный: не зря же то и дело хлещут его в лесных журналах за то, что из-за деревьев леса не видит. Ладно еще, что подружки этих статей не читают, а то затравили бы Полю насмешками да допросами, на какой помойке ухитрилась себе такого родителя подобрать» [12, с. 10]. Несмотря на то, что мы не можем сомневаться в суждениях Полины, образ Вихрова оказывается несколько сложнее ее однозначной оценки.

Вихров, действительно, в начале предстает малоприятным героем. А Грацианский, его соперник и главный оппонент, как мы покажем ниже, ровно наоборот. В связи с этим роман нетрудно представить в виде пути, где то, что было добром, оказывается злом и наоборот. В итоге в сознании Полины эти «две бездны» поменяются местами. Н. Л. Лейдерман заметит, что «Вихров с его сказкой о русском лесе – его радениями о прекрасной, но очень ранимой природе, с его постоянными взываниями к сохранению и сбережению всего, что питало и растило человека на Руси, <...> выглядит в глазах молодых романтиков, <...> старым, нелепым консерватором» [10, с. 45], что и видно через реплики Полины. Постепенно мы узнаём, что на самом деле это не Вихров бросил свою дочь, а Елена Сергеевна, жена Вихрова, сама сбежала с Полиной. Окажется, что и критика Грацианского не вполне честная, как и сам Грацианский. Вихров в какой-то момент самостоятельно расскажет историю своей жизни. Заметит, что его профессия в списке гражданских призваний занимает последнее место. Более того, «газеты той эпохи набатно звали к непрерывному трудовому героизму, а профессия Вихрова не содержала в себе таких возможностей» [12, с. 53]. Новая политическая система требует от каждого гражданина подвига, но профессия Ивана Матвеевича меньше всего походит на ту, где этот подвиг возможен. Идея трудового героизма или подвига возникает и у молодых героев романа.

Смысл этого подвига напрямую соотносится с результатами Октябрьской революции:

Октябрьская революция была сражением не только за справедливое распределение благ, а, пожалуй, в первую очередь, за человеческую чистоту. Только при этом условии, полагал он, и мог существовать дальше род людской. И если прогресс наравне с умножением средств благосостояния заключается в одновременном повышении моральных обязанностей, потому что только совершенный человек способен добиться совершенного счастья, для этого надлежало каждому иметь и совершенную биографию, чтоб не стыдно было рассказать ее вслух [12, с. 54].

Вихров постоянно пытается прийти к этой моральной чистоте, к той самой *человеческой чистоте* (как и Полина), но ему мешает Грацианский, очерняющий в своих статьях лесоведческие убеждения Вихрова.

Об этой же самой чистоте довольно двусмысленно выскажется Чандвецкий перед юным Сашей Грацианским:

Революция – это коренной переплав всего, гонка со скоростью века в десятилетие, убыстренное чередование поколений, учащенная смена кожи... ибо только так общество и может скинуть с себя струпья прежних пороков. О, только очень чистый, то есть с безнадежно-стерильной середкой человек сможет устоять на таком ветру [12, с. 496].

Мы видим, что Иван Матвеевич, как и Полина, стремится к человеческой чистоте, к совершенству, через совершение гражданского подвига, этого же хочет добиться и Грацианский, однако у него подвиг несколько иной. Герои Леонова стараются избавиться от своего прошлого, от своей биографии (или ее части). Сам Старый мир – это и есть пятно в их биографии, но тогда должен быть предложен и путь к этой чистоте? О нем тут же будет сказано: «С этой точки зрения, принадлежавшей Валерию Крайнову, с особой наглядностью представало, насколько человечество нуждалось в великом очищении через грозу и бурю» [12, с. 55]. Судя по всему, этой грозой и бурей является только что начавшаяся Великая Отечественная война, потому как ничего сопоставимого в романном действии и подходящего под бурю нет. В таком случае размышления Вихрова о красоте города в период войны и размышления о человеческой чистоте кажутся концептуально близкими. Обратимся к тексту:

Иван Матвеевич обстоятельно рассказал, что за последние годы Москва в особенности похорошела <...> Москва грозная и раскаленная сейчас, с баррикадами и надолбами в улицах, с мешками песка у витрин, воительница с опущенным забралом... но как раз это и прибавляет ей вдвое прелести в глазах тех, кто красоту жизни полагает в мужестве и движении к большой исторической цели [12, с. 712].

В жизнь входит популярный лозунг: «Прекрасное – это наша жизнь» [7, с. 19]. Высказывается тезис, что красота жизни – это мужество и движение к большой исторической цели. Красота тем самым находится не в настоящем, а в будущем. Иван Матвеевич далее замечает, что «несмотря на суровую обстановку <...> ходят слухи о крупнейших, государственного масштаба, лесных мероприятиях в ближайшие годы» [12, с. 714]. Военное время стало, хоть и пока на уровне слухов, поводом для позитивных изменений в области лесопользования, которое единственное и остается важным для Вихрова. В то же время, это и маркер приближения государства к природе, но уже после войны. Поэтому из-за войны персонажи романа «Русский лес» будто бы находят место для этого самого подвига, через который произойдет очищение. Но так ли это? Да, подвиг они обязаны совершить, и размышляют о нем, но исчезнет ли благодаря ему «постыдное» прошлое? Неслучайно Грацианский однажды скажет, что «последующим поколениям всегда стеснительна одежда предков: обычно они ее, э... перешивают!» [12, с. 104].

Но также вспомним, что Иван Матвеевич заметит в конце романа, «насколько же молодость и жизнь сильнее разрушения и смерти» [12, с. 718]. Действительно, именно война разрешает конфликты настоящего и прошлого, а в войне, по мнению Ивана Матвеевича, только молодость и способна выжить. Будущее в его определении окажется за теми, кто чист сам и до этого совершил гражданский подвиг во имя очищения. Получается, что будущее видится в человеческой чистоте и, возможно, уничтожении самого человека, как единственного, кто хранит в себе этот Старый мир.

Тезис этот может вызвать вопросы, однако подтверждение этого мы найдем в работе С. Л. Слободнюка, посвященной итоговому тексту Л. Леонова «Пирамида», где сказано, что в романе «звучит оправдание разума человеческого, который

будучи мнимо ущербным по отношению к разуму первой природы Эригены, уверенно ведет мир к аннигиляции, поскольку является на деле эманацией абсолюта. И леоновское оправдание человечества и разума предстает в итоге оправданием мысли природы несотворенной и творящей, или сущего зла» [17, с. 87]. Эта мысль в непосредственной форме находит свое отражение и в романе «Русский лес». Природа в данном случае косвенно выведена в заглавие, а проблема человек и природа – центральная, с чем, однако, не согласна особая комиссия Лесохозяйственного института, потому что «отсюда вытекало, что Вихров проповедует студентам конфликт человека и природы, сознания и стихии, духа и материи, что было уж совсем нехорошо, так как отзывало поповщиной» [12, с. 411–412]. Тем не менее, работники института точно поняли «проповедь» Вихрова, как мы убедимся ниже.

Лес в романе – мир природный, естественный, он противопоставлен миру искусственному, то есть цивилизационному развитию (государству). Б. Гройс заметит, что «[с]оветская власть постоянно и на разных уровнях своей политической и экономической практики демонстрировала глубокое, почти инстинктивное отвращение ко всему естественному. Характерны в этом отношении кампании против генетики и психоанализа, равно как и проводимая в 1930-х годах коллективизация сельского хозяйства, направленная на искоренение и уничтожение его традиционной, глубокой привязанности к земле» [6, с. 8]. Далее он же отметит, что отказ от естественного произойдет еще до революции, когда художники-авангардисты «утверждали, что в основе их искусства лежит ничто и что они вышли за нулевую точку, за которой искусственное полностью освобождается от естественного» [6, с. 10].

Вихров подробно описывает утраченную привязанность к земле. Начинается все с повествования о Матвее Вихрове, затеявшем лесную тяжбу сразу после отмены крепостного права. Подробно рассказывается, как простые люди из Красновершья с посланцем Матвеем Вихровым защищали лес от вырубки, от «наследников разных исторических фамилий» [12, с. 57]. Отец Вихрова был убит стражниками, защищая лес. Критикуется старый мир, противопоставлены власть монархии и крестьяне. Первые занимались уничтожением леса,

вторые – защищали и оберегали. Тем самым подчеркивается, что и предыдущая форма государственного устройства (искусственное) противостояла миру естественному и стремилась его уничтожить. Боролись за сохранение леса только крестьяне, привязанные к земле. Именно такой миф конструирует Вихров, повествуя о семейном прошлом.

В воспоминаниях Вихрова появляется и мифологизированный персонаж – «Калина Тимофеевич, грозное существо сверхбогатырского телосложения и замысловатого озорства, особенно опасного для торгового сословия» [12, с. 65], защитник русского леса от вырубки и продажи. Вообще, вопрос *продажи (торговых отношений)*, в том числе и леса, часто возникает на страницах романа. Однажды Полина скажет «о низости капиталистических владык, извлекающих барыш из человеческого страдания» [12, с. 103], Варя заметит, что «капитализм не страшней холеры, <...>, только хитрей, живучей, потому что гнездится не в теле, а в душе» [12, с. 122], Иван Матвеевич укажет Грацианскому, что «капитализм убивает, если не удастся растлить» и др. [12, с. 513]. А. А. Долинин считает, что «[в]первые мысль о том, что историческая судьба Западной Европы близка к завершению, была высказана молодым Иваном Киреевским в “Обзрении русской словесности 1829 года”» [8, с. 12]. Однако в советское время «идея общего кризиса капитализма начинает сливаться с идеей гибели Запада, а пропагандистский дискурс вбирает в себя старые славянофильские клише» [8, с. 56].

Под «капитализмом» подразумеваются чаще всего страны Запада, об этом будет сказано прямо: «...при нынешнем упадке капиталистической культуры у них там, на Западе» [12, с. 511]. Иначе говоря, в романе дано критическое осмысление политических (экономических) систем Запада и монархического режима в России («Не забывайте про тех, кто целое столетие убивал лучших русских людей» [12, с. 154]), объединенных понятием *капитализм*. Настоящее Другого (Запад) и прошлое Я (Российская Империя) оказываются одинаково нежизнеспособны ввиду их искусственности. Об этом же, но на примере советской архитектуры, скажет В. Паперный: «Идея, будто советская архитектура 20-х годов заимствована с Запада, целиком принадлежит культуре 2 – ее враждебность ко всему,

что расположено вне ее географических границ, сливалась с ее враждебностью к культуре 1; два врага всегда кажутся согласными между собой, поэтому с точки зрения культуры 2 Запад и культура 1 были “заодно”» [14, с. 89].

Поэтому будущее в представлениях героя видится за коллективным Мы в форме высшей стадии социализма – коммунизме. Молодым людям «еще предстоит после победы достраивать материальную базу коммунизма» [12, с. 540], а старшее поколение напоминает им следующие слова Ленина: «Мы можем строить коммунизм только при том запасе сил и средств, что остались нам от старого общества» [12, с. 390]. Однако слова его приведены в романе не совсем точно, обратимся к первоисточнику: «Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества» [11, с. 301] (курсив наш. – Е. Я.). Примечательно, что опускаются именно человек и сумма знаний, роль которых в варианте Леонова снижена до сил и средств, необходимых для строительства коммунизма. Коммунизм в тексте существует как мечта, которая то уже наступила, то вскоре наступит, а кто-то эту мечту уже не застанет. Или же как идея, реализованная, в первую очередь, в языке. Б. Гройс отметит, что «[в] условиях советского строя каждый товар превращался в идеологически релевантное высказывание, подобно тому, как при капитализме каждое высказывание превращается в товар» [5, с. 12].

В романе точно есть коммунисты, но где коммунизм? В финале романа солдат в поезде произнесет: «Уж больно охота на коммунизм-то хоть глазком посмотреть... что это за коммунизм такой?» [12, с. 699], – а до этого будут пересказаны мечтательные разговоры о коммунистическом будущем:

Так, совсем рядом, за спиной, обсуждалось грядущее за победой житье, останутся ли там глупцы да бюрократы – казенные сердца! – и прежде всего как обезопаситься при коммунизме от природной жадности людской, чтобы каждый ложку свою в общий котел запускать в очередь, по совести, а не загребал бы вчетверо да про запас [12, с. 696–697].

Получается, что коммунизм, то самое коллективное Мы, в процессе становления, но вместе с победой над фашизмом непременно наступит и «настоящий» коммунизм. Однако для того, чтобы он наступил, нужно пройти войну, совершить подвиг, пожертвовать собой. В конфликт с природой вступает цивилизация в целом.

Иван Матвеевич – преемник своего отца и Калины Глухова в защите леса. В том числе и от государства (социализма-коммунизма). Мы видим, что Вихров пассивно борется против государства, потому что всегда выбирает природу (т.е. естественное), поскольку всю свою жизнь посвятил лесу и борьбе за него. Вспомним хотя бы, что он стал большевиком из-за проблем леса: «Вихров и понял, что спасения русских лесов надо искать не в добровольном самоограничении помещиков, а в решительном народном перевороте» [12, с. 148]. А кроме того, в романе даже есть пояснение о характере его сопротивления ушедшему общественному строю: «Все вместе и предопределило успех *Судьбе русского леса*; гражданский гнев, вызываемый наглядностью преступления, придавал вихровской книге качества разящего булата против свергнутого класса, в чем так нуждался тогда молодой и еще не окрепший строй» [12, с. 240]. Теперь наступил тот самый новый мир, от которого он ждал чего-то большего, но ожидания Вихрова не оправдались, поэтому он пытается изменить мир иными способами: пишет книги и статьи, занимается преподаванием. Созидательный потенциал выходит на первый план вместо разрушительного.

Отсюда нападки Грацианского не кажутся случайными, потому как Александр Яковлевич желает выразить и доказать собственную преданность новому миру. Боится, что узнают о его прошлом, что кто-то уличит его в предательстве, именно поэтому делает все, чтобы защитить себя. Вихров – легкая мишень, его взгляды называют «враждебными советскому обществу» [12, с. 647], указывается, что Вихров «собирается запереть на замок от народа русский лес» [12, с. 108]. Кажется, что только Александр Яковлевич и догадывается об истинных убеждениях оппонента, только он видит преданность Вихрова не новому общественному строю (хоть он ему в чем-то и симпатизирует), а природе. В этом отношении Вихров парадоксален, противоречивы его убеждения.

Обсуждение и выводы

Убеждения Вихрова четко выражены в романе. Источником религиозных воззрений для Ивана становится Калина Глухов, который «охотно разъяснил приятелю веру, ставшую впоследствии верой и самого Ивана Матвейча» [12, с. 84]. Вера эта заключалась в том, «что нет бога на земле, а только никогда не остывающий хмель жизни, да радости пресветлого разума, да еще желтая могильная ямина в придачу – для переплава их в еще более совершенные ценности всеобщего бытия» [12, с. 84–85].

Обратим внимание на то, что в концепции Калины Глухова Бога нет только на земле. На земле, как видно, есть жизнь, разум и смерть, которые нужны для перехода во что-то другое, но непонятно во что и зачем. В остальном же религиозный аспект натурфилософии Вихрова прописан в тексте неоднозначно.

Примечателен поэтому другой эпизод, уже на дне рождения Грацианского, где некий профессор канонического права Аквилонов рассуждает о личном бессмертии души с привлечением текстов Оригена и Августина. Вихров отвечает на это следующее:

Как биологу, мне не приходится прибегать к таким гипотезам, как мнимая вечность отдельной личности <...> Во всяком случае, моя наука учит меня, что все живые организмы умирают прочно. Природа – слишком ревнивая и скупая любовница, чтоб отпускать своих любимцев в некий потусторонний мир, где нет ее самой и куда не простираются ее законы. <...> Здесь Вихрову почему-то вспомнился Калина <...> его готовность пойти на любой переплав, потому что в том-то и состоит справедливость природы, чтобы все побывало всем. <...> и никогда потом не вспыхнет проблеск твоего сознания хотя бы в шелесте кладбищенской травы. <...> Материя забывчива, и ничто не помнит на земле, чем и как оно было раньше. И это не менее замечательно, так как внушает человеку особую ответственность за врученные ему дары ума и воли... Поэтому чем бесследнее исчезновение, тем дороже каждая крупинка бытия [12, с. 156–157].

В этом длинном монологе незаметно вроде бы никаких противоречий с предыдущими суждениями, напротив, высказывается мысль о перерождении в новом качестве, подчеркивается, что материя не обладает возможностью помнить.

Следует заметить и то, что именно природа и наделяет человека умом и волей. Валерий Крайнов сразу после даст интерпретацию этой речи Вихрова: «Мой коллега уже объяснил, что основными условиями жизни являются движение, развитие и смена, то есть непреходящая смерть, которой подчинено все... в том числе и личная память наша» [12, с. 158]. В центре – *смерть*, являющаяся основой мироздания. Движение же к смерти является основным условием жизни (движение, развитие). Не только тело смертно, но и душа. В натурфилософии Вихрова все превращается в пыль и забывается навсегда, кроме природы, она вечна. В какой-то момент он даже скажет, что «лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы» [12, с. 275]. Заметно, что лес (природа) является высшей силой, основой бытия.

Проблема человеческого прогресса высказана и Грацианским, который открыто говорит то, что спрятано в измышлениях Вихрова, но применительно к другому аспекту – войне:

Война донныне применялась для установления господства над слабейшим и подчинения его воле победителя. Естественно, достигнутые таким способом успехи нельзя считать прочными, как и всё то, что достигается применением угрозы или насилия. Никакие параграфы мирных договоров не обязательны для внуков, если только, э... операция не сопровождалась поголовным истреблением побежденных <...> и таким образом война родит войну, и потому, надо признать, некоторые не без основания рассматривают пройденный путь человечества как сплошное, скажем мягко, рукопашное препирательство <...> иногда с довольно значительными промежутками покоя, необходимого в целях накопления жиров и средств для будущего столкновения [12, с. 104].

Как видно, Александр Яковлевич представляет историю человечества (цивилизации) как историю постоянной борьбы и взаимного истребления, а далее он и вовсе скажет, «что по мере роста промышленных возможностей и соответственного усложнения отношений такие паузы будут всё более сокращаться, пока человечество не образумится <...> или не превратится в газовую туманность местного значения, когда его разрушительный потенциал подавит окончательно потенциал созидательный» [12, с. 105]. По мнению Грацианского, исто-

рия – это тоже диалектическая борьба противоположностей двух «потенциалов»: созидательного и разрушительного. Созидательный потенциал становится всё короче, а разрушительный всё длиннее ввиду того, что человечество развивается всё быстрее и сильнее. Выход из этого он видит в победе одной силы над другой. Любопытно, что об этом же ретроспективно говорит Валерий Крайнов перед самой революцией Вихрову: «Не бойся, Иван, наступившего затишья... Это копится энергия в нашем обществе. Приложи руки к его полюсам, и тебя убьет на месте разность потенциалов» [12, с. 150].

С виду разные, но концептуально общие положения взаимодействия природы и человека высказывают оба персонажа. Грацианский дополняет воззрения Вихрова, но общим остается неутешительный прогноз решения известного конфликта человека и природы.

В своей известной лекции Вихров скажет, что «[ч]еловеку предоставлена возможность быть не бессовестным эксплуататором природы и не бессильной былинкой в ее потоке, а великой направляющей силой мироздания. Для этого он должен подсмотреть таинственную взаимосвязь, объединяющую ее явления в живой, целостный организм, чтобы облегчить и ускорить работу природы в ее стремлении к совершенству, которого она расточительно, мириадами опытов и с жестокой выбраковкой добивается вслепую. В этом цель и смысл человеческого разума» [12, с. 309]. Обратим внимание на то, что профессор сохранил свои прежние верования, но несколько сместился вектор. Если раньше центром всего на земле была природа, то теперь возникает человек, который может подчинить себе стихию, используя свой разум. Человек может не быть лишь «былинкой» в бесконечном потоке, но может предложить помощь природе, должен стать ее направляющей силой. Как мы видим, происходит некоторая динамика в воззрениях Вихрова, хотя в корне его убеждения не меняются – главная ценность есть природа (т.е. абсолют), по сравнению с которой человек лишь былинка.

Немаловажно и то, что чуть раньше в своем выступлении он покажет, что вся мировая история демонстрирует отсутствие заботы о сохранении природы, показывает отдаление человека от первоосновы. Вихров заметит, что «прогресс в об-

нимку с барышом вторгаются в хвойные дебри» [12, с. 286]. Прогресс или цивилизация (искусственное) для Вихрова парадоксальным образом оказывается злом, поскольку уничтожает природу, посягает на вечное. Поэтому под той самой «направляющей силой» видится скорее приближение к природе, возвращение к ней человека, уход от искусственного к естественному, потому как конечная цель природы состоит в движении к совершенству, в движении к чистоте, то есть к смерти. А человек (точнее, данный ему разум) нужен ей для того, чтобы помочь миру вернуться к исходному состоянию.

В результате мы видим, что образ героя оказывается подвиген и какая-то часть его истинных убеждений оказывается спрятанной в силу понятных политических причин. От начального образа плохого отца и внешнего идеолога нового строя герой переходит в статус противника. Натурфилософия Вихрова гласит, что человек должен уйти от искусственного цивилизационного развития и приблизиться к природе, которая и приведет его к желанному очищению, но через смерть. В этом отношении роман «Русский лес» Леонида Леонова является своего рода пролегоменой к некоторым линиям итогового романа-наваждения «Пирамида».

Список литературы

1. Афанасьева А. С. Романы Л. Леонова 20-х годов: мифопоэтика и натурфилософия // Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа. – Новосибирск: СО РАН, 2004. – С. 38–49.
2. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция). – СПб.: Наука, 2007. – 317 с.
3. Гаврилина О. В. Пейзаж – чувство природы – натурфилософия в художественной литературе: основные аспекты изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 3. – С. 30–37.
4. Грознова Н. А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы. – Л.: Наука, 1982. – 312 с.
5. Гройс Б. Коммунистический постскрипtum. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2007. – 128 с.
6. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 168 с.
7. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 1 (101). – С. 13–31.
8. Долинин А. А. «Гибель Запада» и другие мемы: из истории расхожих идей и словесных формул. – М.: Новое издательство, 2020. – 158 с.
9. Задорина А. О. Ранний традиционализм и соцреализм: проблема художественного взаимодействия в романе Л. Леонова «Русский лес» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/11.
10. Лейдерман Н. Л. Парадоксы «Русского леса» // Вопросы литературы. – 2000. – № 6. – С. 29–58.

11. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде российского коммунистического союза молодежи) // Полное собрание сочинений: в 55 томах. – 5-е издание. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – Т. 41. – С. 298–318.
12. Леонов Л. М. Русский лес. – М.: Московский рабочий, 1974. – 720 с.
13. Непомнящих Н. А. Мотивы русской литературы в творчестве Л. М. Леонова. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. – 177 с.
14. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 416 с.
15. Петишева В. А. Человек и природа в оценке Л. М. Леонова (историко-философский контекст «Русского леса») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 88–93.
16. Семенова С. Г. Парадокс человека в романах Леонида Леонова 20–30-х годов // Вопросы литературы. – 1999. – № 5. – С. 35–74.
17. Слободнюк С. Л. Леонов и Случевский: апология мысли // Леонид Леонов и русская литература XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. М. Леонова. – СПб.: Наука, 2000. – С. 83–88.
18. Сорокина Н. В. Люди науки в романах Л. М. Леонова // Вестник Томского государственного университета. – 2002. – № 3. – С. 45–49.
19. Султанова Ю. Ф. Лирико-философское звучание романа Л. М. Леонова «Русский лес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9. – Ч. 1. – С. 166–168.
20. Сухих С. И. Специфика конфликта в романе Л. Леонова «Русский лес» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 323–329.
21. Хрулев В. И. Художественное мышление Леонида Леонова. – Уфа: Гилем, 2005. – 536 с.

Egor I. Yagin

"Russian Forest" by Leonid Leonov: Natural Philosophy of Ivan Vikhrov

The article deals with the natural philosophy pursuits of Ivan Vikhrov, one of the main characters of the novel "Russian Forest". The hero's value system is examined. The core of it is nature, which is synonymous to being as a whole. A system of opposites is distinguished in Vikhrov's concept, the foundations of which are: genuine (nature) and artificial (state). Civilization and progress lead the world to destruction because they alienate man from nature. The objective of human is to become the guiding force of nature and lead the world to perfection and purification by using reason. In this "human versus nature" conflict the humanity is constantly defeated.

Key words: Leonid Leonov, human, nature, natural philosophy, artificial, genuine.

For citation: Yagin, E. I. (2023) «Russkii les» L. Leonova: naturfilosofiya Ivana Vikhrova ["Russian Forest" by Leonid Leonov: Natural Philosophy of Ivan Vikhrov]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 68–83. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_68

References

1. Afanas'eva, A. S. (2004) *Romany L. Leonova 20-kh godov: mifopoetika i naturfilosofiya* [L. Leonov's Novels of the 20s: Mythopoetics and Natural Philosophy]. *Russkaya literatura XIX–XX vv.: poetika motiva*

i aspekty literaturnogo analiza [Russian Literature of the XIX–XX centuries: poetics of motif and aspects of literary analysis]. Novosibirsk: SB RAS. Pp. 38–49. (In Russian).

2. Vakhitova, T. M. (2007) *Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova (struktura, poetika, evolyutsiya)* [Artistic worldview in Leonid Leonov's prose (structure, poetics, evolution)]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

3. Gavrilina, O. V. (2009) *Peizazh – chuvstvo prirody – naturfilosofiya v khudozhestvennoi literature: osnovnye aspekty izucheniya* [Landscape – feeling of natural philosophy in fiction: key aspects of leaving]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. No. 3. Pp. 30–37. (In Russian).

4. Groznova, N. A. (1982) *Tvorchestvo Leonida Leonova i traditsii russkoy klassicheskoy literatury* [Works of Leonid Leonov and Russian classic literature traditions]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

5. Groys, B. (2007) *Kommunisticheskii postskriptum* [The Communist Postscript]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russian).

6. Groys, B. (2013) *Gesamtkunstwerk Stalin* [The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

7. Günther, H. (2010) *O krasote, kotoraya ne smogla spasti sotsializm* [About the beauty that could not save socialism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. No. 1 (101). Pp. 13–31. (In Russian).

8. Dolinin, A. A. (2020) *"Gibel' Zapada" i drugie memy: iz istorii rashkozhikh idey i slovesnykh formul* ["Decline of the West" and other memes: on history of popular ideas and idioms]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russian).

9. Zadorina, A. O. (2019) *Rannii traditsionalizm i sotsrealizm: problema khudozhestvennogo vzaimodeistviya v romane L. Leonova "Russkii les"* [Early Traditionalism and Socialist Realism: The Problem of Artistic Interaction in Leonid Leonov's *The Russian Forest*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. No. 57. Pp. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/1 (In Russian).

10. Leyderman, N. L. (2000) *Paradoksy "Russkogo lesa"* [Paradoxes of *The Russian Forest*]. *Voprosy literature – Questions of literature*. No. 6. Pp. 29–58. (In Russian).

11. Lenin, V. I. (1981) *Zadachi soyuzov molodezhi (Rech' na III Vserossiiskom s'ezde rossiiskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi)* [Tasks of Youth Unions (Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union)]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. 5-e izdanie* [The complete works: in 55 volumes. 5th edition]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41. Pp. 298–318. (In Russian).

12. Leonov, L. M. (1974) *Russkii les* [The Russian Forest]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. (In Russian).

13. Nepomnyashchikh, N. A. (2011) *Motivy russkoy literatury v tvorchestve L. M. Leonova* [Russian literature motifs in the works of Leonid Leonov]. Novosibirsk: Institute of Philology of SB RAS. (In Russian).

14. Paperny, V. (2016) *Kul'tura Dva* [Architecture in the Age of Stalin: Culture Two]. Moscow: New Literary Observer. (In Russian).

15. Petisheva, V. A. (2007) *Chelovek i priroda v otsenke L. M. Leonova (istoriko-filosofskiy kontekst "Russkogo lesa")* [Leonov's opinion on Man and Nature relation (Historical and philosophical contexts of *The Russian Forest*)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 8. Pp. 88–93. (In Russian).

16. Semenova, S. G. (1999) *Paradoks cheloveka v romanakh Leonida Leonova 20–30-kh godov* [Human paradox in 1920s–1930s works by Leonid Leonov]. *Voprosy literature – Questions of literature*. No. 5. Pp. 35–74. (In Russian).

17. Slobodnyuk, S. L. (2000) *Leonov i Slucevskii: apologiya mysli* [Leonov and Slucevsky: apologetics of thought]. *Leonid Leonov i russkaya literatura XX veka: Materialy yubileynoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya L. M. Leonova* [Leonid Leonov and Russian literature of the 20th century]. Proceedings of anniversary scientific conference commemorating 100 years since the birth date of Leonid Leonov. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

18. Sorokina, N. V. (2002) *Lyudi nauki v romanakh L. M. Leonova* [Men of science in L. M. Leonov's novels]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 3. Pp. 45–49. (In Russian).

19. Sultanova, Y. F. (2014) *Liriko-filosofskoe zvuchanie romana L. M. Leonova "Russkii les"* [Lyrical and philosophical sounding of L. M. Leonov's novel *The Russian Forest*]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. No. 9. Part 1. Pp. 166–168. (In Russian).

20. Sukhikh, S. I. (2010) *Spetsifika konflikta v romane L. Leonova "Russkii les"* [The peculiarity of the conflict in L. Leonov's novel *The Russian Forest*]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 6. Pp. 323–329. (In Russian).

21. Khrulev, V. I. (2005) *Khudozhestvennoe myshlenie Leonida Leonova* [The Artistic Thinking of Leonid Leonov]. Ufa: Gilem Publ. (In Russian).

дата получения: 23.03.2023 г.
дата принятия: 08.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 23 March 2023
date of acceptance: 08 April 2023
date of publication: 30 June 2023